

А.Леонов

СОЛДАТСКАЯ СЛУЖБА НЕ САХАР (вторая часть)

В конце декабря 1945-го года или в начале января 1946-го года обычный рабочий день закончился, все офицеры давно разошлись по домам. У меня была какая-то срочная работа, и я засиделся в штабе, намереваясь закончить её. Однако, потратив несколько часов, я не мог сосредоточиться, мысли путались. Идти домой мне тоже не хотелось, что-то удерживало меня. На территории городка раздалась песни, это значит, что солдаты направились на ужин. Убедившись в напрасной трате времени, я решительно встал и направился к двери, но тут зазвенел телефон. «Вас вызывает командир бригады», - раздался голос дежурного, когда я назвал себя.

Что-что, а уж сегодня я не имел ни малейшего желания встречаться с командиром бригады, Героем Советского Союза подполковником Горловым. Вот думаю, досиделся. Значит, сейчас будет какая-то головомойка. По служебным делам вызывают в дневное время, а сейчас вечер. В такое время тоже вызывали, когда поймают в самоволке солдата, да ещё, не дай Бог, если он пьяный.

С такими грязными мыслями я вошёл в большой холл штаба бригады.

Вот так выглядит сегодня бывшее здание штаба. Теперь там частная фирма.

Отдав честь двум знамёнам, я направился к группе офицеров, бросив мимолётный взгляд на стоявшего неподалёку солдата. Прерывая доклад о моём прибытии, командир бригады показал рукой на солдата и, улыбаясь, сказал: иди,

поздоровайся с братом и, если есть где принять, забирай его.

Вот только теперь я узнал в этом солдате родное лицо моего любимого брата Михаила. Мы обнялись, не обращая внимания на рядом стоящие знамёна, большое начальство, Спасибо Вам, товарищ подполковник, брата принять есть где, - сказал я, и мы вышли на свежий воздух. Вот только теперь до моего сознания дошла причина, по которой я долго оставался на работе, нервничал, всё валилось из рук, я не мог сосредоточиться. Отгадка простая – ведь мы родные братья, у нас течёт одна и та же кровь. Миша, разыскивая меня, думал обо мне. Его мысли как по космической связи передавались мне. В этот вечер, если откровенно признаться, я даже не думал о Мише, но вот инстинкт сработал, я не мог покинуть свой кабинет. Я бы очень сожалел, узнав потом, что Миша мучается, ожидая меня, а моё сердце не подсказало бы мне и я, как и все, ушёл бы с работы во время.

Действительно, принять брата было где. Вот в эту квартиру я переселился совсем недавно, ведь это тоже можно воспринять как инстинкт, - брат ехал или собирался только ехать ко мне, а я уже, выходит, готовился к его встрече.

До этого я, можно сказать, скитался по нескольким квартирам. Жил в Панемуне - в особняке вместе с командиром дивизиона, по его приглашению. Однако мне показалось, или в самом деле было так, что день и ночь находиться в подчинённом положении как-то стесняло и меня, и командира, и я ушёл. Вот теперь имею, хотя временно, но свой уголок.

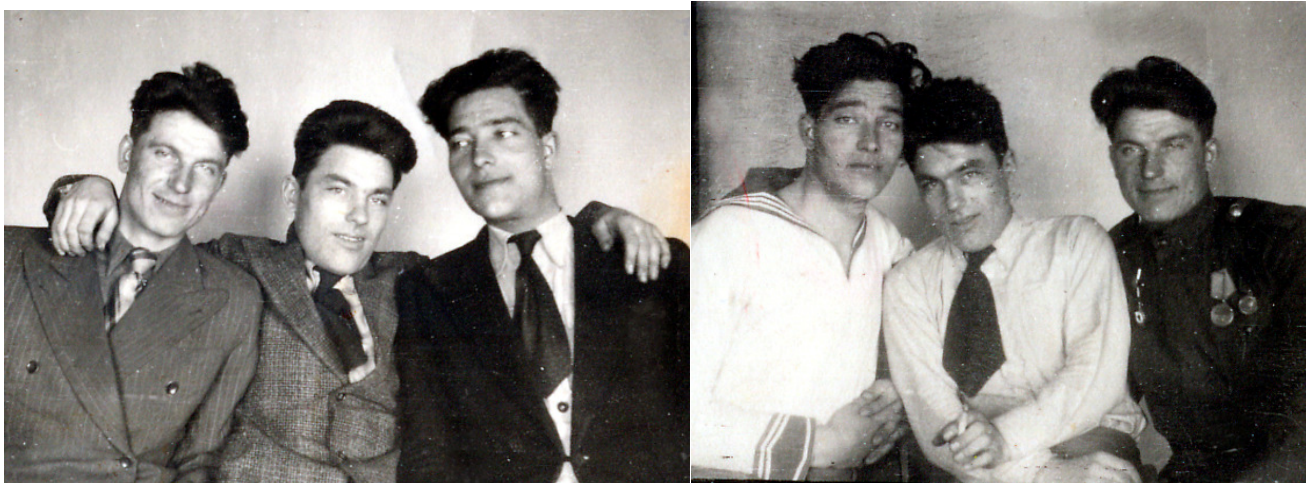
От штаба бригады было не более 300 метров до квартиры и мы не спешили. Давно волновавшие меня вопросы – где ты был, Миша, что с тобой случилось, почему ты молчал все эти шесть лет - срывались с моего языка. Ведь мы с тобой, продолжал я, во многом ускорили преждевременный уход из жизни нашей мамы. В смерти мамы мы с тобой, браток, так всегда любил говорить Миша, совершенно не виновны. Война, - сказал Миша, вот главный виновник смерти мамы. Война не только разлучила нас, она искалечила наши судьбы. А обо мне, сказал Миша, - это отдельный разговор.

Вот это моя квартира, - я открыл входную дверь. Какая-то сила сомкнула нас в объятия, когда, войдя в квартиру и раздевшись, мы оказались наедине лицом к лицу. Мы плакали, то, глядя друг другу в глаза, то охватившись за плечи. Порой наш плач переходил в рыдания, и мы не сдерживали их. Увидев нас в таком состоянии, вошедший в квартиру, ординарец Володя даже растерялся. Не удивляйся, сказал я, – мы плачем от счастья, что остались живы, от радости нашей встречи. Это мой брат Михаил, мы с ним не виделись с 1939 года. Понять моё состояние и состояние моего брата Михаила было нетрудно, а выразить сейчас словами невозможно. Наверное, более точно наше состояние выражено в словах известной песни, – «а тот, кто любит, слёз не прячет, ведь не напрасно, душа болит...». Мы глядели друг на друга то, улыбаясь, то, смахивая слёзы с глаз. Мне не верилось, что передо мной стоит Миша, тот самый, с которым мы перед сном, положив друг другу ноги на грудь, чесали подошвы в том далёком детстве. Картины моего детства мелькали одна за другой. Вспомнив одну из них, мне даже сейчас стало жаль Мишу. Мы играли в снежки у сарая на Голубевке зимой 1935 года. Я сделал ответный бросок комком снега в Мишу, а он, убегая и увёртываясь от снежка, всем своим телом ударился об деревянный электрический столб. Сперва я смеялся, что отомстил, а потом, подбежав к нему лежавшему у столба, почувствовал себя виновным.

Вот и сейчас та жалость, но уже с новой силой, отозвалась во мне. Наши раздумья прервал Володя словами, - а ужинать мы сегодня будем? Володя был не просто хорошим поваром и

замечательным кулинаром, но и оборотистым заготовителем-хозяйственником. Прихожую с парадного входа Володя превратил в продовольственный склад. Кроме картофеля, капусты и других овощей, там было заготовлено много мяса: половина туши коровы, туша баранины, половина туши свиньи. Если уж находчивый солдат из «топора» умел варить вкусный суп, то для Володи не представляло никакого труда из такого обилия продуктов готовить хорошие закуски. Вот мы и сели за стол чтоб отметить приезд дорогого моего брата Михаила, отметить нашу встречу.

На снимке мы с братом Михаилом и Володя. Михаил фотографировал сам, без чьей либо помощи, используя штатив. Сперва мы сфотографировались в военной форме, я положил на плечи брату свои погоны, а затем переоделись в гражданские костюмы из чемодана Михаила, и даже надели на меня тельняшку, пусть хоть на фото исполнится моя детская мечта, быть

морьяком. После ужина мы с Михаилом остались вдвоём, Володя ушёл ночевать в казарму.

«Я почему-то всегда был уверен, что тебе после института должны были дать или дали какое-то офицерское звание?» - спросил Мишу. «А вот сегодня я вижу перед собой солдата. Это не упрёк тебе, Миша, это моё любопытство.» Миша как-то очень живо ответил: «Откуда ты взял, что я офицер, ведь в нашем институте военной кафедры не было. Я был рядовым запаса и на фронт ушёл солдатом.» Я видел, что Миша чем-то озабочен, видимо, он не мог подобрать удобный момент для того, чтобы самому завести разговор о кровоточащей ране на его сердце.

«В Карпатах, начал рассказ Миша, при освобождении Западной Украины, немцы мощной контратакой вынудили наши части отступить. Я был контужен, и меня в бессознательном состоянии подобрали красноармейцы. Оказалось, что они меня несли не по доброй воле, а под дулами немецких автоматчиков. Когда очнулся, увидел группу валявшихся на земле без поясных ремней, без оружия наших солдат, и среди них я, а рядом несколько немецких солдат. Вот тут только стало понятно, где я, и что со мной произошло - я оказался в плену. Дважды бежал из плена, меня ловили не немцы, а поляки и передавали немцам. Перед моими глазами и сейчас стоит польский крестьянин, обнаруживший меня в стоге сена. И звучат его слова, - «коммунисту ты, большевику ты, хую ты» и, замахнувшись на меня вилами, ведёт к немцам, а

они не стеснялись - издевались, как только им хотелось. Но всё-таки меня миновала судьба Освенцима.»

«В январе 1945 года, говорил Миша, - под Сандомиром немцы нас почти не охраняли, сами собирались драпать. Многим из пленных, в том числе и мне, удалось выйти к своим. Каким чудом уцелела хотя и потрёпанная, промокшая моя красноармейская книжка, я сейчас не могу объяснить, но она во многом облегчила мою дальнейшую судьбу. Оказавшись в расположении 4-го Уральского Добровольческого танкового Корпуса, меня без «особой» проверки зачислили в штат. Вот так я оказался уже не в Красной Армии, а в рядах Советской Армии.

Когда шли с боями на Берлин, а потом на Прагу, я уже знал, что теперь если и погибну, то не останусь безвестным, у меня в кармане хранился медальон. Закончил свой рассказ Миша словами, - не по своей вине я попал в плен, браток, а после плена не щадил себя и честно закончил войну.»

Вот эти Мишины признания и откровения до сих пор, как исповедь, отзываются в моём сердце. «Давай, Миша, сказал я, на этом подведём черту, под чёрными днями минувшей войны. И больше не будем травить сами себя. Всё-таки, сказал я, не зря наша мама говорила, что ты, Миша, будешь счастливым, так как родился в «рубашке». Может быть, и в самом деле, сказал я, рубашка, в которой ты родился, оберегала и даже спасла тебя.»

Однако война не прошла бесследно. Здоровье у брата основательно подорвано, Миша серьёзно болен.

После контузии он потерял слух, от изнурительных скитаний по лесам и болотам, потерял здоровье – у него начал развиваться туберкулёз лёгких - так установили армейские врачи перед увольнением в запас. Миша говорил, что болей в груди не чувствует, но покашливание, сильное отхаркивание, потливость и слабость постоянно напоминают о болезни. А вот глядя на фотографию, невозможно сказать, что Миша болен.

Моя занятость не позволяла целыми днями находиться вместе с братом, но я выкраивал время и прибегал к нему, чтобы поговорит, ещё и ещё порадоваться нашей встрече. Между прочим, одиноким Миша не оставался, постоянно с ним находился Володя. Первое время Володя охотно соглашался играть в шахматы, но когда дело дошло до «детских матов», то он перестал брать в руки эти игрушки. Миша уговаривал его, но Володя отказывался, заявляя при этом, - найди себе другого тренажера и издевайся над ним, а я сыт.

У меня была гармошка, так называемая «двадцать пять на двадцать пять» – хроматического строя. На ней было легко подобрать мотив любой песни, Миша увлёкся. Несмотря на свою глухоту, часами просиживал, разучивая военные песни. В своё время он имел слух, мог напеть многие - не только наши сибирские песни, но и песни тридцатых годов.

Неделю спустя, когда Миша отлежался и отоспался, мы пошли с ним в госпиталь. Я попросил врачей обследовать брата - помочь, имея в виду, что он уезжает в сельскую местность, где квалифицированных врачей нет. Вместе с обследованием за полтора месяца Миша принимал целый комплекс процедур. Врачи, в качестве напутствия говорили, - в деревне благоприятные условия, но для контроля над состоянием здоровья, хотя бы раз в полгода обязательно обследоваться в стационарных условиях.

Мой командир, Игнатий Куприянович, часто говорил, - ну когда же ты покажешь мне своего брата, что ты прядешь его от меня? Встреча такая состоялась в марте 1946 года, когда к командиру приехала его жена Соня с дочкой Светланой. Командир поселился рядом с моей квартирой, по адресу Немецкая (Вокечю) улица дом № 120а. На фото в центре командир

дивизиона майор Ромашко. Справа рядом его жена Соня. Слева от командира - девушка Ирина, её хотели познакомить со мной - а вдруг...! Меня не нужно представлять, я рядом с Ириной. Над моим правым ухом мой брат Миша, далее Володя - знакомый по предыдущим снимкам. Справа от Володи - старший лейтенант Алёщенко, начальник артвооружения дивизиона. Это о нём плакала девочка, когда мы покидали лагерь под Айспутэ, перед отъездом в Каунас. С бутылкой в руках стоит Сёма, хозяин моей квартиры. Рядом, с усами, стоит начфин дивизиона, завделопроизводством, лейтенант Павлов. Рядом с женой командира сидит заведующий хлебопекарней дивизии Иван Емельянов со своей молодой женой Региной (неделю тому назад женился).

Не так много, но были вечера, когда мы с Мишей засиживались до глубокой ночи, перебирая в памяти события из нашего детства. Вот и сейчас мы вспомнили вечер после раскулачивания, когда наш двор опустел от комиссии и людской толпы: отец стоит на середине нашей деревенской прихожей комнаты и держит в руках металлический крюк. Все братья и

мама сперва не поняли, для чего этот буксирный крюк папа принёс в дом. Затем мы увидели жуткую картину, когда папа остриём крюка зацепил себя за нижнюю челюсть, приговаривая: надо его зарыть в землю, или бросить в речку, а то могут вот так зацепить и меня. Для нас подростков папины действия и слова оставались долгое время загадкой, но для папы это было известно - земля ведь пользуется слухами, он знал, что и такое творилось в «застенках». Буквально через день к нам в дом пришли «сыщики» и, в присутствии папы, стали рыться во всех, теперь уже свободных подсобных помещениях, включая конюшню, коровник и свинарник.

Перебирая в памяти события за событиями, мы с Мишей вспомнили его последний приезд в Прокопьевск в 1939 году после окончания института. Не зря пословица гласит: «у кого что болит, тот о том и говорит». Так было и у нас с Мишей и мамой. О чём бы мы ни говорили, а всё равно возвращались к нашему самому больному вопросу - к раскулачиванию, аресту и гибели, неизвестно где, нашего отца. Вдруг как-то совсем неожиданно мама промолвила: а всё-таки я зря вышла замуж за вашего отца. Он не должен был на мне жениться, и его родители были против, но он позвал меня и я пошла за него. А как было не пойти за него, ведь он был у нас в деревне самым красивым и самым статным парнем. Вот и вы все в него. Мама не останавливаясь, перебивая наши вопросы, продолжала: ведь мы поженились без согласия и родительского благословения, а это большой грех. Я думаю, родители прокляли нас, отчего и пришла к нам такая беда, всё пошло прахом и нет нашего кормильца. Мама ещё хотела что-то сказать, но заплакала, уткнувшись в Мишино плечо. Наши вопросы к маме так и остались незадавленными, а жаль!

Мише нужно было ехать домой - время поджимало, он обязан был явиться в военкомат в апреле. Пока Миша у меня, мы решили написать, так сказать, коллективное письмо нашим братьям. Однако, мы сразу же упёрлись в тупик - а с чего же начать наши письма? В качестве ответа на этот вопрос мы решили просмотреть фотографии нашей семьи, которые были у меня. Почти все фотографии были хорошо известны Михаилу, кроме одной фотографии Владимира, одной Ивана и моих военного времени.

Каждая моя фотография вызывала у Миши живейший интерес, а меня возвращала в операционные, перевязочные Саратовского госпиталя, к врачам и медицинским сёстрам, ласковые слова и теплые руки которых помогали мне встать на собственные ноги.

Именно там была восстановлена, прерванная войной, моя переписка с мамой, Владимиром и Иваном. Хотя, даже во время войны при каждой малейшей возможности я писал письма, но ответов на них родная полевая почта мне не доставляла. Нельзя, наверное, обижаться на полевую почту, ведь мы вместе с ней драпали, правда, она на машинах, но медленнее меня. Я передвигался очень быстро, как поётся в той песни: «по морям, по волнам, нынче здесь, а

завтра там». Самое первое письмо от мамы я получил в госпитале в ноябре 1942 года. Мама радовалась, что я жив, но горько переживала, что я ранен.

К своему письму мама приложила письмо от Владимира и его фотографию. На оборотной стороне мы с Мишей прочитали сделанную рукой Володи следующую запись: «на долгую

добрую память мамаше Леоновой Ксении Гавриловне, моим любимым братьям Порфирию, Ивану, Михаилу и Александру. Фотографировался 14.6.42 года. ДВК, Нагаево, д.Атка. 31 год от роду. 17.6.42 года». И его подпись.

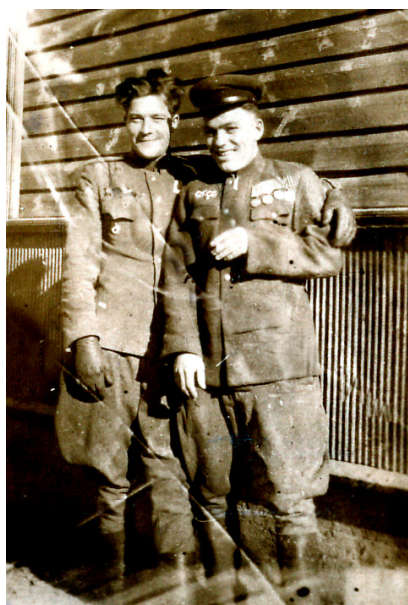
Наверное, мы с Михаилом стали такими слабаками, что наши нервы срывались со своих крючков - на глаза наплывали непрошенные слёзы. Мы еле-еле сдерживали себя от рыданий, когда я зачитывал слова «...моим любимым братьям...». Казалось бы, ну что особенного в этих трёх словах? А вот, подижь-ты! Они проникали в самое сердце. Володя знал, что переписка с Порфирием и Михаилом прервана, но он не терял надежду, что после такой страшной войны все братья, Бог даст, встретятся, поэтому на обороте этой фотографии указал и их имена. Миша с большим волнением ещё и ещё раз прочитал своё имя. А вот эти слова... «Мамаше - Леоновой Ксении Гавриловне» заставили нас окончательно раскиснуть. Правда, сейчас, это точно, нас с Михаилом уже нельзя было назвать «слабаками». Пройдя через такую войну наши сердца не огрубели, не зачерствели, мы сохранили сыновнюю любовь к нашим безвременно ушедшим из жизни Маме и Папе. Мы часто с Мишей задавали друг другу вопрос и не могли найти на него ответ - кому помешал наш отец, за что на него свалилась такая кара?

У Владимира окончился пятилетний срок, он вышел на свободу и продолжал работать по своей специальности на электростанции в посёлке Атка. Как писал Володя, - условия жизни сносные. Конечно, после выхода из-за колючей проволоки, любые условия покажутся хорошими, а если разобраться, то хороших-то условий за свои прожитые годы, Володя не видел и не знает. Зимой 1930 года нашу семью из восьми человек выбросили на улицу. Нажитое хозяйство пустили с молотка. После раскулачивания, Папу арестовали. Оставшись самым старшим в возрасте девятнадцати лет, Володя взвалил на себя ответственность за судьбу оставшейся семьи. Три года наша семья ютилась в комнате площадью 10 кв. метров без каких-либо удобств. Только Володя начал работать, получил хорошую квартиру, семья стала вылезать из грязи, как вдруг, новый удар - нашего кормильца в 1935г. арестовали и отправили за колючую проволоку на Колыму.

Горький осадок - писали мы, остаётся у нас на душе от пережитого прошлого, вместе с тем мы радуемся, что ты на свободе, хорошо одет, красиво выглядишь.

Письмо к Володе мы заканчивали словами благодарности. Воспитанный в большой крестьянской семье, писали мы, ты не бросил нас, заменил нам отца, помог нам встать на собственные ноги, лишая порой себя, самых элементарных юношеских радостей. Теперь уже наши мысли трудно было сдержать, нам хотелось ещё и ещё раз высказать нашу нежность и безграничную любовь Владимиру.

Письмо к Ивану получилось более светлым и радостным. Мы рассказали ему о той счастливой минуте, когда мы с Мишей обнялись и расцеловались спустя шесть лет после нашей разлуки в 1939 году. В письме было пожелание, и надежда на скорую встречу. Как и Владимиру, мы вложили в конверт Ивану две фотографии о приезде Миши в Каунас.

Мы с Мишей находили время и фотографировались, вот снимок около дома.

В один из последних выходных дней марта месяца мы сидели дома, и Миша уже готовился к отъезду. Миша достал моё письмо, благодаря которому он оказался в Каунасе. Кроме большой радости, там было подробное описание, где я служу, где живу и мой адрес. Миша вспоминал - буквально за пять минут до отправления поезда с демобилизованными солдатами вдоль эшелона бегал писарь строевой части штаба корпуса и во весь голос кричал, называя Мишину фамилию. Ведь докричался, нашёл и вручил письмо. Оказывается они, два писаря, были друзьями. Спустя некоторое время после отъезда Миши на вокзал, почтальон принёс в строевую часть моё письмо. Писарь не растерялся, как говорится, высунув язык на плечо, побежал с письмом к Мише. Благодаря этому парню, сегодня Миша сидит у меня. Не зря пословица гласит «не имей сто рублей, а имей одного, но хорошего друга».

Нашу мирную беседу прервали три фронтовика, с которыми я воевал в этом дивизионе. Они пришли, чтобы сфотографироваться на память, перед отъездом домой по демобилизации. Справа от меня Володя Александров, а рядом с Мишей стоит Гена Афанасьев. Это два командира орудия, с которыми меня сводила судьба под Добеле при отражении танков.

Они на два года прослужили больше чем я и сейчас увольнялись по болезни. Рядом со мной, знакомый по снимкам Ваня Емельянов - бывший заведующий хлебопекарней. Он уже снял погоны и уезжает к себе в Курскую область. Но и Миша тоже почти на колёсах, это его последняя фотография перед отъездом домой.

Миша уехал из Каунаса. По сей день я чётко вижу брата, стоящего в тамбуре вагона отходящего поезда. Он не махал рукой, не выкрикивал каких-то прощальных слов, а стоял спокойно в глубокой задумчивости, слегка склонив голову влево. А вот я не мог сдерживать себя, всё время махал рукой, пока поезд не скрылся в отверстии тоннеля. Три месяца мы были вместе, казалось, так оно и должно было быть всегда, но нет, надо расставаться.

Я вновь остался один со своими раздумьями и воспоминаниями. Правда, на чём-то одном я не мог сосредоточиться, картинки прошлого мелькали одна за другой. Однако каждый раз мысли возвращались к нашему детству. В моих воспоминаниях Миша всегда появлялся упитанным, как будто утрамбованным крепышом. Вот он сделал соскок с турника (перекладины) после выполнения упражнения. Ни малейшего качания, он как вкопанный застыл на полусогнутых ногах с вытянутыми вперёд руками. Это происходило в Прокопьевске на Партизанской улице, где на берегу реки своими силами нами был установлен турник. В летнее время, особенно под вечер, у турника собирались мужчины всех возрастов, где каждый мог попробовать свои силы. Здесь мой брат много раз удивлял собравшихся своими способностями. Даже сейчас, когда я вспомнил про это событие, у меня по телу пробежала тёплая волна радости за Мишу. Казалось, будто всё это происходило вчера, а не 13-14 лет тому назад.

Вот с этими радостными воспоминаниями я отправился на улицу Суомю, в свою, уже полюбившуюся мне квартиру. Да! Я полюбил эту квартиру, потому что здесь я встретил, обогрел исковерканную войной душу моего любимого брата.